

«Китай вызывает потрясения в западном мире...»

© 2019

Н.А. Слука, Т.Х. Ткаченко

В статье с позиций географической науки анализируются условия, факторы и предпосылки возвышения Китая в международном сообществе. Оценивается современное позиционирование страны в ключевых геоэкономических структурах, рост влияния на развитие мирополитических процессов через широкое использование инструментов «мягкой силы». Предполагается, что реализация новой стратегии Китая, проходящей проверку на базе проекта «Один пояс, один путь», приведет к кардинальной трансформации архитектуры мироустройства.

Ключевые слова: мировая система, пространственная структура, глобальные интеграционные циклы, Китай.

DOI: 10.31857/S013128120006099-9

В заголовок материала вынесена цитата из работы К. Маркса «Революция в Китае и в Европе»¹, написанной в мае 1853 г., в которой, рассматривая гегелевское «единство противоположностей», автор не находит ничего странного «в том влиянии, которое китайская революция² по всей видимости оказывает на цивилизованный мир. И, однако, это отнюдь не парадокс, как в этом могут все убедиться, внимательно рассмотрев обстоятельства дела»³. Отсутствие парадокса в лидерстве Китая в мировом сообществе и современная оценка «обстоятельств дела» дается в новой коллективной монографии⁴, посвященной памяти доцента кафедры географии мирового хозяйства Московского университета Е.Н. Самбуровой (1957–2017) — крупного специалиста в области социально-экономической географии Китая. Работа подготовлена солидным пулом авторов, ядро которого составляют сотрудники, учащиеся и ученые — выпускники кафедры географии мирового хозяйства МГУ им. М.В. Ломоносова, а также профессора и ведущие специалисты других учреждений: МГИМО-университета, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Института экономики РАН, Института географии РАН, Института Дальнего Востока РАН, Института Африки РАН, РУДН, Военного университета МО РФ, Уральского Федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, университета им. Масарика, Шанхайского университета политических наук и права и др.

Несмотря на представительный корпус произведений о стране-гиганте, это по сути первый за последние десятилетия капитальный труд по Китаю в отечественной социально-экономической географии. Исследование выполнено не в духе сложившейся «классики» синологии, а на стыке страноведческого и мирохозяйственного подходов,

Слука Николай Александрович, доктор географических наук, профессор, кафедра географии мирового хозяйства, географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: sluka2011@yandex.ru;

Ткаченко Татьяна Хаимовна, кандидат географических наук, доцент, кафедра географии мирового хозяйства, географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: maryasha_t@mail.ru.

опирается на глубокие знания китайской действительности и идею цикличности глобализационных процессов⁵. Принятая методология акцентирует значимость географического изучения теснейшей взаимосвязи эндо- и экзогенных факторов социально-экономического развития, оптимизация которой — путь как к смягчению внутренних территориально-хозяйственных диспропорций страны, так и к ее возвышению в глобальной экономике и мировой системе в целом. Эти две траектории получили детальное раскрытие в ходе исследования Китая на новейшем материале, представленном в национальных статистических ежегодниках⁶, изданиях международных организаций, включая ООН⁷, Всемирный банк, Международный валютный фонд, и в иных источниках информации, с применением широкого арсенала общенаучных и конкретно-научных методов, прежде всего историко- и сравнительно-географического.

В ходе истории постоянно меняются векторы и лидеры мирового развития. Мировозхозяйственные (глобализационные процессы), как и другие исторические процессы, будучи тесно связанными с «кондратьевскими волнами», имеют не только поступательную, но и циклическую составляющую, которая отражает подъемы и спады планетарной интеграции⁸. Фаворит первого интеграционного цикла — Англия, поскольку в середине XIX века страна производила половину мировой промышленной продукции. Время ее господства, продолжавшееся вплоть до окончания Первой мировой войны, вошло в историю как *Pax Britannica*. Глубокая дезинтеграция мирового хозяйства в 1914–1945 гг. стала результатом не только ошибочных политических решений, но и объективных социально-экономических процессов. Второй глобальный интеграционный цикл, то есть нынешняя глобализация, начался с завершением Второй мировой войны и закономерно вошел в историю как *Pax Americana* (в 1945 г. американская экономика составляла половину мировой). За его окончание можно принять череду современных кризисов и рецессий с возможным апогеем в 2008 г., обусловленных поворотной точкой мирового развития, лежащей в самом низу понижательной фазы 5-го цикла Н.Д. Кондратьева. Сейчас уже налицо классические признаки глобальной дезинтеграции: отставание темпов роста мировой торговли от темпов роста мировой экономики и усиление протекционизма (они, разумеется, взаимосвязаны)⁹. Бесспорна и утрата безоговорочного могущества США, экономика которых к концу второго десятилетия XXI в., согласно данным Всемирного банка, уже менее четверти мировой¹⁰. Все это служит основанием для многих экспертов полагать, что через одно—два десятилетия начнется третий глобальный интеграционный цикл, но это будет уже интеграция вокруг другого лидера.

Удачно найденное сопряжение внутренних и внешних факторов экономического роста — залог стремительного расцвета Китая. Один из сравнительно неожиданных для многих западных экономистов и политиков результатов второго глобального интеграционного цикла — быстрое возвышение ранее традиционно «отсталого» и «закрытого» Китая, который в сжатые сроки совершил относительно безболезненный переход от плановой экономики советского образца к работающей рыночной модели смешанного типа. Слагающие успеха китайских реформ известны: это и постепенная «двухколейная» реформа ценообразования, и комплекс рыночных мер в сельском хозяйстве, изменение системы управления госпредприятиями, децентрализация административной системы, и поэтапное развитие банковской сферы и рынка капитала. Не менее значимой является и политика внешней открытости (*кайфан*), благодаря которой страна вышла из изоляции и активно использует зарубежный опыт и инвестиции для модернизации всех сфер жизни. Благодаря грамотной политике руководства Китай смог максимально эффективно реализовать свои конкурентные преимущества, включая дешевую рабочую силу, огромный потенциал внутреннего рынка, а также возможности экономической глобализации. В результате целенаправленного осуществления целой группы крупных программ он превратился в «мировую фабрику», выпускающую широкий ассортимент изделий, и занял в мировом хозяйстве нишу крупнейшего производителя промышленной

продукции. За четыре десятилетия реформ доля Китая в мировом ВВП по ППС увеличилась, по оценкам МВФ, с 2,3% в 1980 г. до 18,3% в 2017 г.¹¹ Таким образом, страна заняла лидирующие позиции по этому показателю, опередив США. По величине ВВП по валютному курсу она уступает США, находясь на 2-й позиции в мире. Внешнеторговый оборот Поднебесной за 1978–2017 гг. увеличился в 200 раз — с 20 млрд долл. до 4,2 трлн долл. В 2009 г. она вышла на 1-е место по объему товарного экспорта и прочно сохраняет его (табл. 1). Ныне именно Китай в значительной степени определяет состояние многих товарных рынков, спрос на сырьевые товары, устойчивость развития мирового хозяйства в целом. В последнее время становится все более заметным, с одной стороны, усиление воздействия процесса глобализации на китайскую экономику, а с другой — нарастание значимости «китайского фактора» в развитии мирового хозяйства¹².

Таблица 1

Некоторые сравнительные данные экономики Китая, США и России, 2016/2017 г.

Показатели	Китай	США	Россия	Мир
Население, млн чел., 2017 г.	1382,7	323,3	146,5	7285,0
ВВП номинальный, трлн долл., 2017 г.	11,9	19,3	1,5	79,3
ВВП по ППС, трлн долл., 2017 г.	23,1	19,3	4,0	126,6
Внешнеторговый оборот, трлн долл., 2016 г.	4,3	4,9	0,6	21,0
Товарный экспорт, трлн долл., 2016 г.	2,1	1,4	0,3	16,0
Доля наукоемкого сектора ¹³ в номинальном ВВП, %, 2016 г.	35	38	20	33

Источник: составлено по данным: Хохлов А.В. *Справочные материалы по географии мирового хозяйства 2018. Статистический сборник. 2018.*

URL: <https://api.exporthub.ru/api/documents/78/download>; Science and Engineering Indicators 2018. Arlington, VA: National Science Foundation, 2018.

Ныне страна, отличаясь сверхбыстрыми темпами экономического роста и на равных соперничая с признанными авторитетами на самых разных глобальных отраслевых рынках, плотно, но не афишируя, «подпирает» номинального лидера мирового хозяйства — США — по всем позициям. Материалы исследования убедительно доказывают, что Китай не собирается оставаться индустриальным придатком Запада. Во-первых, он уже давно возглавляет процессы урбанизации, индустриализации и научно-технического прогресса всего развивающегося мира. В результате произошли кардинальные изменения не только в табели о рангах в глобальной экономике, но и в общей расстановке сил в системе отношений Центр — Периферия мирового хозяйства за счет быстрого укрепления места Полупериферии (табл. 2). Во-вторых, налицо концентрация усилий на приоритетном развитии высокотехнологичных отраслей национального хозяйства.

Укрепление позиций Китая в инновационных сферах, в магистральных направлениях научно-технического прогресса хорошо отражает изменение доли наукоемкого сектора в производимом ВВП. Согласно данным периодического издания Национального статистического центра науки и инжиниринга США¹⁴, на 2016 г. добавочная стоимость, полученная в наукоемком секторе, составляла примерно 1/3 от мирового ВВП¹⁵; чуть менее 2/5 — в США, но в Китае, увеличившем с 2003 г. объемы производства высокотехнологичной продукции почти в 6 раз, не намного ниже — 35% (для сравнения, в России — 20%). Совершив за последнее десятилетие мощный рывок, Китай по доле в мировом производстве высокотехнологичной продукции в 2008 г. превзошел Японию, в 2012 г. — ЕС и вплотную приблизился к США (24% против 31% в 2016 г.). Он же занимает лидирующую позицию в мировом экспорте продукции наукоемкого сектора (24%) и имеет большое положительное сальдо в торговле¹⁶. Вместе с тем за период с 2011 по 2016 г. экспорт высокотехнологичной продукции из Китая резко замедлился по сравнению

с 2001–2008 гг.; упало и положительное сальдо торговли. Значительно, что это отчетливо наблюдающееся замедление можно считать началом переориентации развития Китая с экспортно ориентированной модели на модель роста, опирающегося на развитие внутреннего спроса и рынка.

Таблица 2

Изменение места Китая среди стран — лидеров в мировой обрабатывающей промышленности, 2005–2016 гг., в постоянных ценах, 2010 г.

Страна	Доля в мировой обрабатывающей промышленности, %			Продукция обрабатывающей промышленности в расчете на душу населения, долл.		
	Годы	2005	2010	2016*	2005	2016*
Китай		11,66	18,51	24,36	1431,9	2170,2
США		20,27	17,64	15,99	5905,6	6074,6
Япония		11,02	10,31	8,73	8404,0	8514,2
Германия		7,29	6,57	6,29	8478,9	9595,0
Индия		2,00	2,71	3,44	228,3	319,4
Республика Корея		2,51	2,93	3,10	6192,7	7556,8
Италия		3,67	2,91	2,36	5068,1	4854,5
Франция		3,10	2,58	2,30	4256,6	4380,5
Бразилия		2,88	2,71	1,84	1414,8	1080,9
Великобритания		2,66	2,15	1,84	3555,7	3475,2
Индонезия		1,55	1,60	1,83	687,1	866,0
Мексика		1,89	1,68	1,66	1466,9	1593,6
Россия		2,12	1,88	1,64	1362,1	1409,6
Мир, всего		100,0	100,0	100,0	1500,1	1660,8

* UNIDO — оценка.

Источник: составлено И.А. Родионовой по данным UNIDO. *Industrial Statistics Database. INDSTAT4–2017 edition.*

Позиционирование современного Китая в мировом сообществе далеко не ограничивается только экономической нишей. Уже к началу XXI века страна превратилась в глобальную супердержаву с интересами в Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Океании, а «китайский фактор» оказывает существенное влияние на развитие современных мирополитических процессов. Намеренно отказавшись от конкуренции в области идеологии, оставаясь твердым приверженцем принципов ООН, входя во многие международные организации, Китай продолжает уверенно набирать вес во всех сферах международных отношений, включая политическую, военно-стратегическую и социокультурную. Особенно следует выделить активную политику «мягкой силы»¹⁷ на разных территориальных уровнях — глобальном, региональном и субрегиональном — по семи основным направлениям¹⁸: 1) распространение и популяризация языка; 2) продвижение традиционной и современной культуры; 3) расширение образовательных контактов; 4) развитие экономических связей и научно-техническое сотрудничество; 5) содействие международному развитию; 6) развитие общественной дипломатии; 7) поддержка соотечественников¹⁹.

Китай продолжает уверенно набирать вес во всех сферах международных отношений, включая политическую, военно-стратегическую и социокультурную. В плане реализации политики «мягкой силы» показательны два свежих примера из разных тематических областей. Во-первых, состоялся своего рода прорыв в сфере образования для

иностранцев. В конце 2015 г. в более чем 800 вузах страны обучалось 398 тыс. зарубежных студентов. За границей Китай инвестировал в создание 525 институтов Конфуция (в вузах) и 1113 классов Конфуция (в школах), в которых насчитывается более 5 млн слушателей в год. Во-вторых, планомерно реализуются намерения «поглощения Европы». За последние шесть лет китайские капиталовложения в экономику ЕС увеличились в 10 раз²⁰. Только в 2016 г., по данным консалтинговой компании EY, они выросли почти втрое — с 30,1 млрд долл. до 85,8 млрд. За этот год китайцы приобрели 309 европейских компаний или долю в них. По числу таких объектов 1-е место заняла Германия (68 приобретений), 2-е — Великобритания (47), 3-е делят Франция и Италия (по 34). Для сравнения, почти десять лет назад, в 2007 г., китайцы купили в Европе только 51 компанию²¹. При понятных приоритетах китайские инвестиции имеют широкую географию, их можно обнаружить во всех без исключения государствах региона. В частности, еще в 2012 г. для налаживания сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы запущен проект «16+1»²². Его главная цель — получение доступа к технологиям и исследованиям, международным каналам продаж и узнаваемым брендам, обеспечение поставок сырья для китайской экономики. Дополнительной целью предприятий Поднебесной является инвестирование в проекты в области внешней инфраструктуры, а также предоставление льготных кредитов для проектов, реализуемых китайскими подрядчиками²³.

Для текущей «проверки» верности стратегического курса к мировому лидерству Китаем избран глобальный проект «Один пояс, один путь»²⁴, запущенный в 2013 г. Руководство страны видит пять ключевых смысловых аспектов проекта²⁵.

1. Политическая координация.
2. Взаимосвязь инфраструктуры.
3. Бесперебойная торговля.
4. Свободное передвижение капитала.
5. Укрепление близости между народами.

Он должен показать стремление Китая не только к рациональному устранению территориально-отраслевых перекосов в национальной экономике и снятию ряда социальных противоречий, но и к ответственному участию в интеграционных процессах на макрорегиональном уровне, высветить спектр проблем, возможности и способности организации новых «точек роста», тем самым раскрывая реальный потенциал притязаний на мировое лидерство. Этот евразийский геополитический проект, основой которого должны стать равенство, баланс интересов, взаимовыгодность и всеобщее развитие, призван обозначить главные черты нового миропорядка. Уже сейчас он объединяет почти семь десятков государств с населением около 4,5 млрд человек и оказывает серьезное влияние на ключевые процессы современности — ход глобализационного движения, трансформации в системе международного разделения труда, изменение роли и значения ТНК, терциализацию и неоиндустриализацию экономики развитых стран и многие другие.

Российско-китайский стратегический тандем на пороге третьего глобального интеграционного цикла. Реализация амбиций Китая в условиях мирохозяйственного перехода весьма остро ставит вопрос о ближайших и надежных партнерах, среди которых особое место занимает Россия. Для возникновения союзных отношений между двумя странами-гигантами выгодно уже их геостратегическое положение, ответственность по общегеографическим размерным «габаритам» и богатая история позитивного взаимодействия. Китай и Россия обладают мощным военно-экономическим потенциалом, значительным политическим весом на международной арене и способны оказать друг другу реальную и эффективную помощь при решении важных международных проблем. Несимметричность их экономического и научно-технологического развития компенсируется взаимными дополнениями. Несмотря на необходимость дальнейшей проверки гипотезы о жизнеспособности российско-китайского экономического

взаимодействия вне постсоветского пространства, на текущем историческом этапе у Китая и России нет острых противоречий, в том числе в отношении видения желаемого мироустройства. Обе страны отстаивают многополярную модель в мире глобализации. Общим противником для них являются претендующие на глобальное доминирование США, открыто объявившие Россию угрозой своим интересам, а Китай — экономическим конкурентом, что в преддверии третьего глобального интеграционного цикла делает последних естественными союзниками.

Выводы

— Состояние неопределенности и турбулентности в современном мировом хозяйстве тесно связано с изменениями в пространственной конфигурации мирового развития в условиях мирохозяйственного перехода в макротехнологической структуре геоэкономики, что объяснимо в рамках теории длинных циклов Н.Д. Кондратьева. Адаптация к новой ситуации вызовет не только уход старых технологий и организационных структур и появление пропульсивных отраслей хозяйства и новых институциональных возможностей, но и пространственное переустройство мира.

— В исторически сжатые сроки благодаря грамотной политике руководства Китая, осуществив комплекс хозяйственных и иных реформ, вошел в число крупнейших экономик мира и на равных соперничает на многих глобальных рынках с признанными авторитетами. Экономические успехи и укрепление позиций во всех сферах международных отношений за счет активного проведения политики «мягкой силы» позволяет размышлять о быстром росте глобальной конкурентоспособности Поднебесной на этапе мирохозяйственного перехода.

— В целом выход Китая на мировое лидерство — не прогнозный сценарий, а давно идущий процесс, и с учетом особого стратегического мышления китайцев можно предположить, что Пекин скорее ориентирован на мировое цивилизационное доминирование «из тени», внешне оставаясь на вторых ролях. Иными словами, глобальное лидерство Китая — не цель, а скорее национальная идея, не требующая конкретных временных сроков, но способная идеологически мобилизовать китайское общество на стабильное и динамичное развитие через качественную внутреннюю трансформацию.

— С учетом «атомизации» Запада, который вместо мобилизации сил на эпохальном историческом рубеже до сих пор пребывает в нирване от крушения советского блока и СССР, и отсутствия у России должного экономического базиса, активно-прагматической внешней политики и претензий на мировое верховенство, можно прогнозировать закономерное возникновение в ближайшем будущем китаецентричной системы международного порядка. В рамках третьего глобального интеграционного цикла мировое лидерство впервые за последние 500 лет, вполне вероятно, уйдет за пределы глобального Запада, и этот период истории заслужит обозначение как *Pax Sinica*. Хотя Пекин еще будет должен предложить миру свой «цивилизационный проект».

— Результаты исследования содержат ценный конструктив для России и других стран, ищущих базу для своего startup или претендующих на вхождение в клуб мировой элиты. Опыт Китая может быть полезен при разработке национальных программ ускоренного социально-экономического развития, принципов регулирования развития отдельных отраслей хозяйства, подходов к формированию мощного блока материнских ТНК, для совершенствования использования механизмов «мягкой силы» и по многим другим направлениям.

— Все упомянутое актуализирует изучение Китая, делает его естественным и особо значимым объектом познания для географов-мирохозяйственников и географов-китаеведов, а социально-экономическую географию в целом выдвигает в качестве цен-

трального интеграционного звена при проведении междисциплинарных исследований эволюции места стран-гигантов в глобализирующемся мире.

1. *Маркс К.* Революция в Китае и в Европе // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. 9. Изд. 2-е. М.: Гос. изд-во политической литературы. 1957. С. 98–105.
2. Там же. Примеч. С. 594. В 1851 г. в Китае развернулось антифеодальное освободительное движение, принявшее характер мощной крестьянской войны.
3. Там же. С. 98.
4. На пути к Pax Sinica: Коллективная монография / под ред. Н.А. Слуки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018. 356 с.
5. *Самбунова Е.Н., Мироненко К.В.* Китай в мировом хозяйстве в контексте глобализации // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 1 (40).
6. China Statistical Yearbook. Beijing, 2000–2017.
7. См., например: UNIDO. Industrial Statistics Database. INDSTAT4–2017 ed.; и др.
8. *Мироненко Н.С., Гутер Б.А.* Мiroхозяйственный переход в начале XXI века: макротехнологические и пространственные трансформации // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / под ред. В.А. Колосова, Н.А. Слуки. М.: Смоленск: Ойкумена, 2016. С. 40–48.
9. *Шулер В.* Самоорганизация при переломе траектории: переход к интенсивному развитию // Экономика, кризисы, риски, безопасность, самоорганизация. 22.11.2017. Сайт С.П. Курдюмова. URL: <http://spkurdyumov.ru/economy/samoorganizaciya-pri-perelome-traektorii-perexod-k-intensivnomu-razvitiyu/>
10. The World Bank, 2017. URL: <http://worldbank.org/data/>
11. The International Monetary Fund, 2018. URL: <https://www.imf.org/external/>
12. *Самбунова Е.Н., Мироненко К.В.* «Китайское экономическое чудо» в мирохозяйственном измерении // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 149–157.
13. Традиционно в расчеты по наукоемкому сектору экономики (КТИ — knowledge- and technology-intensive industries) включаются 5 отраслей сервисной сферы (общественные услуги — здравоохранение, образование; коммерческие услуги — бизнес-услуги, финансовые услуги, информационные услуги) + 5 высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности (авиа-ракетно-космический комплекс; коммуникационное оборудование и компьютеры; полупроводники; фармацевтика; контрольно-измерительное оборудование). В 2018 г. методика расчета поменялась, в настоящее время включаются и данные по так называемому средне-высокотехнологичному сектору, а именно, данные по объемам производства в 5 отраслях обрабатывающей промышленности — автомобилестроение и автокомплектующие; электротехника, механизмы и оборудование, химическая промышленность (без фармацевтики); железнодорожное и другое транспортное оборудование.
14. Science and Engineering Indicators 2018. Arlington (VA): National Science Foundation, 2018.
15. Справочно отметим, что из этой величины около 15% приходилось на коммерческие услуги, 9% — на общественные, 4% — на производства средне-высокотехнологичного сектора и около 2% — на высокотехнологичный сектор.
16. Столь высокая доля Китая в мировом экспорте есть результат традиционных методов измерения торговых потоков по валовой стоимости продукта, пересекающего международную границу. Предпринятые ОЭСР и ВТО инициативы пересчета мировых торговых потоков на основе чистой добавленной стоимости значительно понижают позиции Китая. Так, доля Китая в экспорте компьютеров, электрического оборудования, оптики по традиционным методам расчета составила в 2016 г. 33%, а по методике добавленной стоимости — 19% (хотя это все равно 1-е место в глобальном экспорте этих продуктов). И с другой стороны, США становятся на значительно более высокую позицию в рейтинге стран, участвующих в мировой торговле, поскольку по новой методике им «приписывается» экспорт электронных комплектующих, используемых в конечной сборке продукта на территории Китая.
17. Термин «мягкая сила» (soft power) трактуется часто по-разному. В Китае в нее вкладывается, главным образом, конфуцианская мудрость и культурная самобытность, которыми следует ру-

- ководствоваться при принятии решений во внешней политике государства. Подробнее см.: *Касаткин П.И., Ивкина Н.В.* Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 26–36.
18. *Михневич С.В.* Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 95–129.
 19. *Sluka N.A., Korobkov A.V., Ivanov P.N.* The Chinese Diaspora in the EU Countries // Baltic Region. 2018. Vol. 10. № 3. P. 80–95.
 20. За последние несколько лет КНР резко увеличила объем прямых инвестиций в страны ЕС. Сколько Китай вкладывает в Европу — в инфографике. Sputnik. 03.11.2017.
URL: <http://sputnik.by/infographics/20171103/1031743903/kitajskie-investicii-v-strany-es.html>
 21. *Рождественская Я.* Китайские инвестиции в Европу достигли рекордного уровня // Коммерсантъ. 26.01.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3201876>
 22. В него входят 11 стран-членов ЕС и 5 балканских стран: Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Латвия, Литва, Македония, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Черногория, Чехия, Эстония.
 23. *Беляков Д.* Стратегия Пекина в Центральной Европе // СОНАР 2050. 01.12.2017.
URL: <http://www.sonar2050.org/publications/kitayskiy-proekt-161-mify-i-realnost/>
 24. Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. Пекин: Из-во лит-ры на ин. языках. 2017. 75 с.
 25. *Чубаров И.Г., Калашиников Д.Б.* «Один пояс — один путь»: Глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 25–33.